

**МЕЩЕРСКАЯ С. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П., в НКВД
КЕДРИНА Е. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

КЕДРИНА Елена Александровна, родилась в 1900. Получила высшее образование. В 1920 — работала техническим секретарем и машинисткой в Петрограде, с 1927 — работала на разных должностях на Мурманской железной дороге, затем — в "Нива-Строе", с 1932 — проживала на квартире своей двоюродной тети, Мещерской Софьи Сергеевны, воспитывавшей ее сына. Работала библиотекарем в Институте истории науки и техники, затем занималась техническими переводами на заводе "Электрик". 8 апреля 1935 — выслана с сыном и двоюродной тетей в Иргиз Актюбинской области на 5 лет.

МЕЩЕРСКАЯ Софья Сергеевна, родилась в 1888. Княжна (отец, князь Мещерский Сергей Алексеевич). Фрейлина императрицы Александры Федоровны. С 1915 — после окончания медицинских курсов сестра милосердия на фронте, с 1917 — медсестра в Мариинской больнице Петрограда¹. Получала материальную помощь от тети из Италии через Госбанк и Торгсин. Летом 1927 — арестована как «участница контрреволюционной организации». 2 сентября 1927 — приговорена к 3 годам административной ссылки и отправлена в Нижний Новгород. Весной 1928 — арестована по старому делу, 27 июля освобождена без предъявления обвинения². Осталась в Нижнем Новгороде, осенью 1930 — вернулась в Ленинград, с 1933 — инвалид-пенсионерка. 8 апреля 1935 — выслана с двоюродной племянницей и ее сыном в Иргиз Актюбинской области на 5 лет.

В апреле 1935 — Софья Сергеевна Мещерская обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой

«Адрес: Казахстан,
г<ород> Темир, Актюбинской области,
до востребования

23-го апреля 1935 г<ода>

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна,

Прилагая при сем мое заявление в НКВД, прошу Вас наложить свою резолюцию на всем. Ваша гуманность известна во всех углах страны, и это дает мне право обратиться к Вам, как к женщине и к матери. Все то, что я пишу в своем заявлении, сущая правда, добавлю Вам только о себе то, что т<ак> к<ак> ставки медсестер, а затем и размер пенсии так малы, что я все время получала помощь на Торгсин от моей тетки из Италии вполне легально через Госбанк, и это давало мне возможность жить, а главным образом, поднимать сына Кедринной. Высылка или вернее ее приговор мучает меня главным образом из-за Кедринной и ее мальчика. Ведь не живи она со мной, она бы продолжала бы вероятно жить и работать в Ленинграде. А теперь? Конечно, всюду человек может найти себе какое-нибудь применение, но для нее, которая еще молода, здесь трудно и вероятно даже невозможно заниматься иностранными переводами. И этим она, конечно, теряет практику иностранных языков, которыми владеет в совершенстве и за которые ее всегда особо ценили на службе. Ей приходилось делать трудные технические переводы по электросварочному делу, когда она служила на заводе "Электрик". А мальчик? Этот ребенок в свои 10 лет не по годам развитой, книги для него это все, в Ленинграде он читал всю новейшую литературу детей среднего

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. — Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 126. С. 206-208.

возраста и даже иные книги старшего возраста. Любимым его занятием в выходные дни это было посещать техническую выставку, техническое кино. Машины, суда, аэропланы — это его страсть, об этом он часами может говорить и толково разбираться. Книги "Поход Сибирякова", вся литература о героях Арктики — это его самые любимые. В школе и дома он увлекался конструктором, делал всевозможные модели машин, в школе был сперва октябренок, а потом пионером, он был в III-м классе, по обществоведению и географии всегда был одним из первых учеников на ответ готовый.

Теперь здесь он посещает школу, но здесь в 3-м классе дети 12 лет, учеба, конечно, не такая, а главным образом для него громадное лишение — это отсутствие журналов и книг. Екатерина Павловна, Вы мать, Вы понимаете, как сердце матери страдает, видя печаль своего ребенка. Не о себе я главным образом прошу, *<прошу>* об них, сделайте то, что Вам подскажет Ваше сердце женщины и матери. Тешу себя надеждой, что моя просьба не останется без отклика.

Глубокоуважающая Вас С. Мещерская»³.

К письму Софьи Сергеевны Мещерской было приложено заявление в НКВД.

<23 апреля 1935>

«В НКВД

Административно-высланной
Мещерской Софьи Сергеевны

Заявление

В ночь с 3-го на 4-ое апреля с*<его>* г*<ода>* я была арестована, а 8-го получила документ о высылке в Иргиз на 5 лет. Вместе со мной высылалась племянница моя Кедрина Елена Александровна и ее сын Александр, 10-ти лет, проживающие вместе со мной. Кедрина Елена Александровна, вероятно, выслана была лишь как член моей семьи, так как повестки о явке на допрос ей не было вручено. Она, хотя и жила вместе со мной, но родство мое с ней дальнейшее — она дочь моей двоюродной сестры. Работала она до последнего дня библиотечным работником в инст*<итуте>* Академии Наук, владеет иностранными языками и там же занималась переводами. До этого она работала несколько лет на разных должностях в Карелии, в г*<ороде>* Кеми, вплоть до проводницы вагонов, затем она была на "Нива-Строе". Сын ее был все время со мной в Ленинграде, где и посещал школу.

Сама я в данное время, с 1933 года, инвалид-пенсионерка, по профессии мед*<ицинская>* сестра. Окончив курсы медсестер в 1915 г*<оду>*, я все время непрерывно работала в разных леч*<ебных>* учреждениях Ленинграда. Со дня основания Союза сестер состояла его членом. В 1931 г*<оду>* была премирована грамотой "Ударника" как хорошая производственница. Ушла на пенсию по настоянию врачей, потеряв здоровье на поприще своей работы, так как в 1919 г*<оду>* болела сыпным и брюшным тифом, ослаблением чего была закупорка сосудов ног и тела, даже развивается слоновость. Все документы, подтверждающие о моей работе и моем 18-ти летним стажем, взяты при обыске.

О том, что я была дворянкой, дочерью помещика, я никогда ни в одной анкете не скрывала. С 1915 г*<ода>*, по окончании курса медсестер, жила одна в Ленинграде.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 98-99. Автограф.

Излагая все это, прошу пересмотреть мое дело, отменить приговор или же дать мне право выбора городов.

С. Мещерская.

23/IV-35 г<ода>.

Казахстан, г<ород> Темир Актюбинской области»⁴.

В августе 1935 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью Александр Иванович Кочетов.

<14 августа 1935>

«Председательнице Общества оказания помощи
политическим заключенным

Кочетова Александра Ивановича,
гор<од> Темир, Райпотребсоюз

Прошу прощения, что смею беспокоить вас своею просьбою за гр<ажданку> Мещерскую Софью Сергеевну, высланную из Ленинграда одновременно с нами в марте 1935 г<ода>.

Насколько мне известно, гр<ажданка> Мещерская С. С. обращалась к Вам с просьбой исходатайствовать ей возможность выехать из Казахстана, где климат для нее больного человека вреден, причем, согласно Вашего предложения, она указала города, где бы она могла жить, а именно: Тула, Горький, Пенза, Самара или Саратов.

В настоящее время состояние здоровья гр<ажданки> Мещерской настолько ухудшилось, что она принуждена проводить все время в постели. Я имею переговоры с доктором, который заявил, что состояние здоровья ее, если она не будет иметь возможность переменить место жительства, улучшиться не может, а, наоборот, жизни ее угрожает опасность (невыносимая жара до +65°С днем и сильные ветра вечером и ночью, к тому же малярия, которую она здесь приобрела).

Желая оказать гр<ажданке> Мещерской <помощь>, как товарищу по несчастью, я позволил себе обратиться к вам с просьбой — не отказать ускорить удовлетворение ее просьбы о разрешении выехать из Казахстана. Третьего дня, когда я ее навещал, она, находясь в постели, со слезами на глазах заявила, что ей "так не хочется умирать здесь, а чувствую, что скоро умру".

Об этом моем письме она не знает, а потому я очень просил бы Вас сообщить мне, может ли гр<ажданка> Мещерская рассчитывать на удовлетворение своей просьбы и если может, то когда. Известие получения ею непосредственно об отказе убьет ее раньше времени.

Льщу себя надеждой, что вы не откажете мне ответом на это письмо.

Пользуюсь настоящим случаем, прошу принять уверение в глубоком уважении.

Кочетов»⁵.

Позднее Софья Сергеевна Мещерская с племянницей были переведены в Темир-Тау той же области. 4 ноября 1935 — она скончалась.

В декабре 1935 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась ее двоюродная племянница, Елена Александровна Кедрина⁶.

<10 декабря 1935>

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 66-67. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1345. С. 150-151. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 21-23, 137-139.

«Многоуважаемая Екатерина Павловна,

13/V этого года моя тетя С<офья> С<ергеевна> Мещерская послала Вам краткое мотивированное заявление на НКВД с просьбой перевести нашу семью в более крупный город. После тяжелой болезни (осложнения хронического тромбоза и обострение туберкулезного процесса) София Сергеевна умерла 4-го ноября.

В свое время Вы сообщили гр<ажданину> Кочетову А. А., на его письмо о тяжелом состоянии моей тети, что Вами возбуждено вторичное ходатайство по нашему делу. Если решение еще не состоялось, то очень прошу Вас ускорить разбор дела.

Я осталась здесь одна, оторванная от культуры и жизни, с 10-летним сыном. Сын болен жедудочно-кишечной формой малярии, в настоящее время сидит дома с глубоким бронхитом. Потеряв только что самого близкого мне человека, я теперь дрожу над сыном. В здешних условиях сохранить здоровье ребенка, выращенного в большом городе, очень трудно (коммун<альные> удобства, земляные мазанки, нетопл<енная> школа и пр<очее>), безумно трудно, не говоря уже о прогрессе в его образовании и общем развитии.

И сын мой и я, мы действительно настоящие граждане Советского Союза. По роду своей службы я неоднократно имела дело с органами ГПУ, никогда никаких недоразумений в отношении настроенности не было. Ну, пусть меня проверят — чем я дышу. Я даже себе представить не могу, как доказывать, что я не социально опасная. В моей жизни не было ничего, что бы оправдывало это звание. Единственной моей "ошибкой" я могу считать то, что осталась жить с тетей, но я не могла бросить ее, воспитавшую так хорошо мне сына и так обожавшую его, когда в ней уже были зачатки смертельной болезни. Мозг кипит от стремления найти какое-то объяснение всему случившемуся и ничего не находит.

Еще больше, чем за себя, я страдаю за сына. Живу только сознанием, что я нужна ему, что он еще слишком мал, чтобы бросить его на самостоятельную дорогу. Он никогда не знал отца.

В 1927 году, когда я работала на Мурман<анской> ж<елезной> д<ороге>, я сошлась с одним человеком и жила с ним до 1932 г<ода>, когда я поехала в Ленинград, а он в Комвуз в Петрозаводске. Мы не теряли связи, встречались, когда это было возможно. В момент нашей высылки он был очень далеко со спецзаданием. Теперь он работает на Ряз<анско>-Уральск<ой> ж<елезной> д<ороге>. Если бы я и хотела к нему поехать, то не поехала бы с такой позорной этикеткой. Он тоже, понятно, не может бросить работу. Хлопотать за социально опасную ему как-то не к лицу, да я и не прошу его об этом.

Вам я пишу все это, чтобы Вы поняли, как мне тяжело. Что же мне делать? Так и жить, медленно умирая? Моральных ресурсов никаких: пути к общественной жизни закрыты, повышать квалификацию нет возможности, воспитание сына — сплошная мука. Местные жители нас резко сторонятся, с "ленинградцами" у меня как-то ничего нет общего. И при всем том громадный запас энергии и жажды жизни во всем ее многообразии: Я работаю машинисткой — другой работы здесь не получить, а в Ленинграде совершенствовалась в знании иностранных языков — переводила для печати (в издании Ак<адемии> Наук) первоисточники по истории техники, работая в Институте Истории Науки и Техники Ак<адемии> Наук.

Екатерина Павловна,

я знаю — Вы очень заняты, но я очень прошу Вас прочесть лично это письмо.

Если Вы не можете мне ничем помочь, то напишите мне, как быть дальше, чтобы был хоть какой-либо просвет впереди. Просто поддержите меня морально.

Посылаю вам копию моего заявления в НКВД и копию моего труд<ового> списка. Одновременно пишу прокурору СССР.

Пожалуйста, помогите.

Елена Кедрина.

10-го декабря 1935 г<ода>

г<ород> Темир, Актюб<инской> области (КАССР), Московская 21»⁷.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1519. С. 138-139. Автограф.